

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-4-156-167

Имеются ли основания для оптимизма? (К дискуссии двух экономистов)

И.В. ЛИХОМАНОВ, кандидат философских наук
E-mail: graingar@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7495-9463
Новосибирское высшее военное командное училище
им. Г. К. Жукова, Новосибирск

Аннотация. Проведен критический анализ статьи Д. А. Фомина «Три кризиса новейшей экономической истории России», а также отзыва на эту статью В. И. Клисторина, опубликованных в №2 журнала «ЭКО» за 2022 г. По мнению автора, оценка рецензентом позиции Д. А. Фомина как неосталиниста, призывающего повторить опыт советской модернизации 1930-х гг., излишне категорична и отвлекает внимание читателя от существенных моментов его исследования. Однако и сам Д. А. Фомин допустил серьезную методологическую ошибку, из-за чего выводы его статьи оказались внутренне противоречивыми. Ценным научным вкладом исследования Д. А. Фомина стало выявление дополнительных внешних источников быстрого послевоенного восстановления советской экономики в 1945–1948 гг. Утверждение о том, что с 2008 г. в экономике России начались необратимые изменения, которые приведут к ее стабилизации на ином, более низком, чем сегодня, уровне, будучи спорным, заслуживает как минимум внимательного критического осмысления.

Ключевые слова: экономическая история России; экономический рост; динамика основных фондов; инновационная экономика; идеология; консерватизм; сталинизм

JEL: B14, B40, E20, N14.

Опубликованные в № 2 журнала «ЭКО» за 2022 г. статья Д. А. Фомина «Три кризиса новейшей экономической истории России» [Фомин, 2022] и отзыв на нее В. И. Клисторина [Клисторин, 2022], привлекли мое внимание и побудили высказаться. Конечно, для философа, рискнувшего вмешаться в спор о проблемах экономической истории, важно не перешагнуть пределов профессиональной компетенции. Могу лишь заметить в свое оправдание, что и сама рассматриваемая статья и отзыв на нее, вторгаясь в смежные дискурсы, в явном и неявном виде содержат *идеологически ангажированные установки*, требующие для своего анализа философского инструментария.

В. И. Клисторин увидел в Д. А. Фомине апологета сталинизма и причислил его к авторам неоконсервативного направления, хотя взаимосвязь между тем и другим не так уж очевидна.

В наши дни быть консерватором еще не значит непременно быть и сталинистом! Некоторые влиятельные консервативные течения враждебны сталинизму не меньше, чем либерально-демократические. Впрочем, суть дела не в этом. Представив автора сталинистом, рецензент заметно облегчил себе труд, переведя разговор из области экономической истории и теории в область политической и социальной философии. Аморально и безнравственно, пишет В.И. Клисторин, закрывать глаза на преступления сталинского режима и на ту цену, которую народ заплатил за его достижения и победы. С известной точки зрения, конечно же, и аморально, и безнравственно! Так ведь у любых достижений и побед есть цена...

Аморальны и безнравственны были многие реформы и проекты Петра I, обусловленные потребностями ведения Северной войны. Но разве ему ставят это в упрек? Петровская эпоха оправдана в наших глазах рождением великой русской культуры. У советской эпохи (взятой в целом, а не только в период сталинизма) такого оправдания нет. Но его нет и у либеральных реформ рубежа XX – XXI вв., цена которым тоже оказалась немалая, а результаты выглядят сегодня более чем скромными. Люди, чье благополучие и спокойствие оплачены страданиями предыдущих поколений, легко «прощают» давно почившим мучителям и палачам совершенные ими преступления. Беда сталинской экономики не в том, что она построена на костях и крови миллионов людей, а в том, что она себя не оправдала, оказалась неконкурентоспособной с экономиками, построенными на рыночных отношениях и личной заинтересованности. Она не росла, так сказать, из «земли», а висела на крюке административно-командной и административно-распределительной систем. Крюк оборвался – экономика рухнула... Тот, кто еще не забыл парадоксы экономики советского «зазеркалья», понимает, о чем идет речь.

Но, как мне кажется, В.И. Клисторин поторопился причислить Д.А. Фомина к апологетам сталинизма и, тем более, к числу сторонников концепции, нашедшей свое выражение в книге «Кристалл роста» (Галушка и др., 2021). Автор статьи, наоборот, хочет вырваться из плена идеологических установок, как бы подняться над ними. Правда, нельзя сказать, что ему это хорошо удается. Особенность нашего поляризованного сознания

в том, что восприятие любого общественно значимого месседжа непроизвольно соскальзывает или к «сталинизму», или к «антисталинизму»: если ты не либерал, то уж непременно поклонник советского тоталитаризма, огосударствления экономики, ГУЛАГа и всего прочего!..

Статья Д. А. Фомина вызвала разногласия в редакции журнала «ЭКО», на мой взгляд, во многом по вине автора, так как в ней не сформулированы должным образом ни цели исследовательского проекта, ни его методика. Отсюда у читателя возникают сложности в ее понимании. Так, например, в глазах рецензента абсурдным выглядит не только сопоставление экономических спадов, обусловленных войнами, со спадом рубежа XX – XXI вв., но также само употребление для их описания термина «кризис», в который экономическая теория вкладывает иное значение.

На это можно было бы возразить, что, во-первых, даже экономическая теория выявляет разные типы кризисов, общим признаком которых является резкое падение производства, а во-вторых, между экономическими процессами, избранными Д. А. Фоминым в качестве объекта исследования, помимо значительных отличий, имеется и очевидное сходство. Все три кризиса обусловлены *внеэкономическими причинами* – войной, революцией, всеобъемлющей перестройкой типа экономики, социальной структуры общества, политической системы. Релевантность сравнительного изучения этих кризисов обусловлена, таким образом, их внеэкономической природой, т.е. вторжением во внутреннюю логику «нормального» экономического процесса неких внешних факторов.

Д. А. Фомин конструирует предельно упрощенную исследовательскую модель кризиса, включая в нее лишь два универсальных показателя: а) динамику производства, и б) динамику основных фондов. Такой подход кажется В.И. Клисторину чересчур абстрактным. На мой взгляд, не экономистам жаловаться на абстрактность их теорий! Что может быть абстрактнее математических моделей поведения рынка, которые в действительности описывают *поведение людей*, так как выражения «рост котировок акций», «падение спроса», «колебания курса» и пр. – являются лишь эвфемизмами, прикрывающими тот простой и грубый факт, что речь идет о людях, которые что-то продают и что-то покупают.

В рамках своей модели Д. А. Фомин выделяет две фазы кризиса: а) фазу вхождения в него, которая характеризуется резким падением производства и основных фондов, и б) фазу восстановления производства и основных фондов до прежнего уровня. Однако *в действительности* (и в этом, на мой взгляд, методическая ошибка автора) его модель не двухфазовая, а *трехфазовая*. Третья – это фаза экономического роста (или же стагнации, депрессии, упадка), анализ которой выполняет важную функцию в данном научном исследовании. То обстоятельство, что в методологическом разделе статьи этот структурный элемент исследовательской модели не эксплицирован, приводит к путанице в описании последнего кризиса, где автор, как будет видно из дальнейшего, противоречит сам себе.

Концепция Д. А. Фомина, если попытаться ее сформулировать кратко, на мой взгляд, заключается в следующем: в результате вторжения в «нормальный» ход экономического развития чрезвычайных факторов происходит резкое падение объемов производства, сопровождаемое сокращением основных фондов. Чем меньше потерь понесла экономика, тем быстрее идет процесс ее восстановления до прежнего докризисного уровня. Однако во всех трех случаях имеются некие системные факторы, которые ограничивают дальнейший рост экономики и делают невозможным ее расширенное воспроизводство. Поэтому требуются новые источники роста (то есть дополнительные материальные и нематериальные ресурсы), благодаря которым экономика сможет ускоренно развиваться. Выявление этих источников (или же их отсутствия), по-видимому, является сверхзадачей исследовательского проекта Д. А. Фомина.

В аналитическом описании первого кризиса (1914–1927 гг.) автор следует хорошо известной традиции, которую можно назвать «сталинистской» лишь в том смысле, что она воспроизводит идеологическую установку 1930-х гг., согласно которой политика нэпа себя полностью исчерпала и дальнейшее ускоренное развитие советской экономики в условиях надвигающейся войны может происходить исключительно на путях экономического и политического террора посредством «экспроприации» крестьянских хозяйств. Автор, на мой взгляд, отнюдь не восторгается этой политикой. Он совершенно недвусмысленно указывает и «цену», которой оплачена сталинская индустриализация,

и гипотетическую возможность иных, правда, более медленных, вариантов развития. Идеологическая ангажированность данной точки зрения состоит в признании *безальтернативности выбора*.

Война с Германией у порога, необходимо быстрыми темпами создать мощную индустрию, а иных источников роста государственных расходов на капитальное строительство, кроме экспроприации крестьянских хозяйств и втапывания в нищету народонаселения (т.е. снижения удельного веса его потребления), у власти нет. Именно так советские историки и экономисты на протяжении многих десятилетий разъясняли нам неизбежность индустриализации по сталинскому варианту.

Ненаучность данного подхода заключается в использовании идеологического приема «обратной детерминированности», когда более ранние события представляются нам как обусловленные более поздними. Выбор любого из вариантов модернизации, альтернативных сталинскому, привел бы к лавинообразному процессу трансформации известной нам сегодня исторической реальности в новую реальность, где приход А. Гитлера к власти, катастрофическое для СССР начало войны, да и сама война были бы не так однозначно предопределены. В научной литературе встречаются наброски некоторых имевшихся в то время альтернатив. Нелишне будет напомнить, что само изучение «развилок», т.е. возможных, но не реализованных путей исторического развития, сегодня уже обрело респектабельность в исторических исследованиях [Бородкин, 2021].

Кроме того, сама постановка проблемы нэпа не вполне очищена от идеологической схемы ее интерпретации. В дискуссиях 1920-х гг. по вопросам выбора путей дальнейшего развития речь шла в первую очередь о создании экономической базы социализма, которая обеспечила бы также и стабильность политического режима. Задачи экономики рассматривались в те годы прежде всего в контексте вопросов о строительстве нового общества и сохранения власти. Конечно, имела место озабоченность и военной угрозой. Но только не со стороны Германии (об этом до середины 1930-х гг. никто всерьез не задумывался), а со стороны Японии, расширявшей военную агрессию на Дальнем Востоке.

Позже, под влиянием очередного этапа внутривластной борьбы, идеологический контекст прежних дискуссий начал забываться и появилось новое клише, согласно которому полити-

ка нэпа себя «изжила», так как не могла обеспечить ускоренных темпов индустриализации. Историки и экономисты нередко воспроизводят это клише, не отдавая себе отчета в том, что проблема нэпа – не экономическая, а политическая. Тот узкий «коридор» возможностей, в котором осуществлялась новая экономическая политика, вероятно, и в самом деле не мог обеспечить должного объема накоплений для осуществления советского проекта модернизации теми же темпами, которые имели место в 1930-х гг. Но это не значит, что других вариантов развития, близких по темпам экономического роста, не существовало. Только все эти варианты выводят за скобки *проблему сохранения власти большевиков*, что доказывает правоту И. В. Сталина, мыслившего в логике решения главной для него задачи. Вопрос о нэпе он сформулировал так: либо назад – к капитализму, либо вперед – к социализму, и третьего пути нет! [Сталин, 1951]. Сталинский вариант модернизации был, конечно, самым худшим из всех *гипотетически* возможных, но в тех исторических обстоятельствах он оказался наиболее вероятным. Потому и был осуществлен.

Как видим, в вопросе об источниках советского модернизационного проекта 1930-х гг. Д. А. Фомин не сказал ничего нового, а лишь воспроизвел общеизвестные факты в рамках традиционной схемы их интерпретации. Значительно больший интерес привлекает его анализ кризиса 1941–1945 гг. и следующей за ним фазы экономического роста. Согласно общему мнению отечественных и зарубежных исследователей, период возвращения экономики СССР к довоенному уровню соответствовал европейским темпам и был завершен в целом к началу 1948 г. Д. А. Фомин утверждает, что, согласно его расчетам, восстановление советской экономики к этой дате лишь на 33,5% объясняется внутренними факторами.

В послевоенные годы инвестиционная активность была очень слабой. Спрашивается, за счет каких же дополнительных источников удалось достичь таких поразительных результатов? Согласно версии автора, этими источниками были: а) материальные ресурсы, доставшиеся во время войны по ленд-лизу и не оплаченные советской стороной, б) послевоенные репарации, в) военные трофеи, г) технологии, вывезенные из Германии и других стран Европы, д) труд военнопленных,

- е) труд вывезенных из Германии ученых, инженеров и рабочих,
- з) ресурсы новых территорий, присоединенных в СССР.

По мнению Д. А. Фомина эти дополнительные ресурсы не только сыграли *решающую* роль в восстановлении экономики СССР, но и обеспечили также дальнейший ее рост вплоть до середины 1960-х гг. Поскольку тема эта вообще слабо изучена, результаты расчетов и выводы, к которым пришел автор, очевидно, представляют научную ценность и, безусловно, заслуживают критического осмысления. К сожалению, рецензент не обратил на них своего внимания.

Больше всего вопросов и недоумений вызывают в статье Д. А. Фомина описание и анализ третьего кризиса, временные рамки которого определены автором с 1991 по 2022 гг. Но это не согласуется с его изначальной установкой, согласно которой окончанием кризиса является восстановление основных экономических показателей. Так как по утверждению самого автора, восстановительный период завершился к середине 2008 г., получается, что он сам себе противоречит. Концептуальная целостность всей статьи разрушается, и это дает В. И. Клисторину прекрасную возможность объявить работу Д. А. Фомина ненаучной.

Это противоречие снимается, если принять, как предлагалось выше, что исследовательская модель Д. А. Фомина включает три стадии (фазы): а) вхождение в кризис, б) восстановление, в) развитие на основе дополнительных источников инвестиций (капиталовложений). Если в первых двух случаях такие источники были найдены, то в третьем они отсутствуют. Именно поэтому окончание в 2008 г. восстановительного периода сменилось не ускоренным ростом экономики, а депрессией и медленным снижением основных экономических показателей.

Исправив досадную методическую ошибку и восстановив концептуальную целостность работы Д. А. Фомина, можно перейти к сути дела. Кризис 1989–2007 гг. (именно в таких временных рамках его и надо рассматривать) – это кризис трансформационный. То есть он был вызван глубокими изменениями в типе экономики, в социальной структуре общества, в политической системе государства и сопровождался резким падением производства и гораздо менее значительным сокращением основных фондов. «Цена», которую российский народ заплатил за переход от одного типа общественно-политического и экономического

устройства к другому, оказалась немалой. И фактически она была оплачена дважды – в 1930-х гг. за *вхождение* в советскую тоталитарную систему и в 1990-х гг. – за *выход* из нее.

Восстановление экономики в рамках третьего кризиса началось на рубеже 1998–1999 гг. и шло достаточно быстрыми темпами, чему способствовало богатое советское наследие в виде материальных активов (основных фондов), гигантских даже с учетом их частичной ликвидации и роста износа. Таким образом, экономический рост начала нулевых годов был результатом «сложения» трех основных факторов: а) материальных активов советской эпохи, б) сформировавшейся во всех отраслях экономики рыночной инфраструктуры, в) роста цен на энергоносители. Позитивную роль сыграли также реформы государственного управления начала нулевых годов и во многом еще сохранившийся человеческий капитал.

В 2008 г., по мнению Д. А. Фомина, резервы роста экономики оказались исчерпаны. Кризис завершился, восстановление произошло, а вот дальнейшего развития не получилось. Вместо него наша экономика вступила в период всеобъемлющей, необратимой и неуправляемой деградации, скорость которой Д. А. Фомин определил в 1,1% падения ВВП в год. Конечным итогом этого процесса должна стать новая экономическая реальность, базовые параметры которой будут в разы ниже советских и даже нынешних российских.

Что же служит автору основанием для такого пессимистического прогноза? Прежде всего, он считает, что на этапе выхода из кризиса (уже начиная с 1998 г.) у России появился весьма значительный ресурс, который мог, но так и не был использован для ускоренного *инновационного* развития экономики. Речь идет о сверхдоходах, полученных от сокращения военных и прочих государственных расходов, от торговли энергоресурсами, а также из некоторых других источников. Все эти средства благополучно перекочевали в карманы граждан, благодаря чему стремительно росло потребление домашних хозяйств, достигшее к 2014 г. в структуре ВВП беспрецедентных 68,9%.

Этот потребительский бум значительно опережал рост и производства, и производительности труда, т.е. он был во всех смыслах *избыточен*. Однако Россия не воспользовалась возможностью перераспределить ВВП в пользу наращивания

инвестиционной активности, капиталовложений в модернизацию транспортной системы, городской инфраструктуры, вложений в человеческий капитал и пр. (как это делал, например, Китай в период *своего* кризиса трансформации). Грубо говоря, мы этот шанс проели, пропили, прогуляли. Те, кто победнее, накупили квартир, автомобилей, наездили в Таиланд, Египет и Турцию; те, кто побогаче, настроили дворцов, приобрели дорогую недвижимость за границей, разместили капиталы на счетах западных банков, но не создали при этом в сколько-нибудь значимых объемах ни новых производств, ни новых технологий, ни нового качества жизни. «Тучные» нулевые годы в этом отношении оказались для нас *потерянным временем!*..

После 2008 г. в экономике России отмечается нарастание кризисных явлений, имеющих, по мнению Д. А. Фомина, необратимый характер. Одним из важнейших факторов, способствовавших в рамках его модели относительно быстрому восстановлению экономики в 1999–2007 гг., были активы, унаследованные от советской эпохи. Но теперь, по его расчетам, экономика России не может обеспечить не только рост основных фондов, но даже простое их воспроизводство. Чтобы преодолеть эту тенденцию, необходимо, как считает Д. А. Фомин, сократить в 2,5 раза потребление домашних хозяйств. Но, поскольку даже этого будет недостаточно для роста экономики в целом, так как требуются еще дополнительные вложения для воспроизводства человеческого капитала. А поскольку никакая власть в нашей стране поставить и решить такую задачу не способна, экономика будет падать, пока не стабилизируется на значительно более низком уровне по сравнению с нынешним и в качественно ином состоянии.

Можно, конечно, просто отмахнуться от этих мрачных прогнозов, объявив их ненаучными, что, по сути, и делает В.И. Клисторин. Главное его возражение состоит в том, что прямая функциональная зависимость между инвестициями в расширенное воспроизводство основных фондов и ростом экономики – не очевидна. Дополнительным аргументом служит обвинение автора в стремлении «повторить» советский опыт ускоренного развития путем выкачивания из народа сил и средств методами внеэкономического давления и мобилизации.

Рецензент как будто игнорирует тот факт, что начиная с 2015 г., по мере падения доходов и снижения уровня жизни населения, выкачивание сил и средств из народа идет естественным путем, без какого-либо внеэкономического давления. Но, правда, и без положительных результатов для национальной экономики, так как «выкачанные» средства не мобилизуются, а распыляются, утекают за кордон и исчезают без следа. Опыт других стран показывает, что в условиях рыночной экономики *национально ориентированные правительства* могут осуществлять мобилизационную стратегию не менее, а быть может, и более эффективно, чем СССР в 1930-х гг. И только пристрастный взгляд может увидеть в статье Д. А. Фомина излюбленный неосталинистами призыв «Можем повторить!».

Методологическая, а отчасти и мировоззренческая, позиция Д. А. Фомина заключается в трезвом взгляде, согласно которому основа процветающей сильной экономики – производство товаров и технологий. Если страна не производит ни того, ни другого, либо производит в недостаточном объеме или плохого качества, ее амбиции не должны превышать ее реальных возможностей.

Не будучи экономистом, не хочу вмешиваться в теоретический спор относительно взаимосвязи расширенного воспроизводства основных фондов с ростом экономики. Но с точки зрения здравого смысла такая взаимосвязь кажется очевидной. Значительных капитальных вложений требует даже современная торговля, не говоря уже о высокотехнологичной промышленности и производстве наукоемких технологий. Их не заменит никакая «гаражная экономика», «экономика услуг» или технология, разработанная «на коленке с планшетом». Инновационная экономика – продукт чрезвычайно дорогостоящий!

Да, в мире есть небольшие страны, процветающие благодаря огромным запасам углеводородов, или за счет оказания финансовых, туристических и прочих услуг. Но Россия – не тот случай. Нефтегазовые инъекции поддерживают нашу экономику на плаву, однако не обеспечивают развития. А все другие ресурсы (в том числе и люди, как «вторая нефть») потихоньку сокращаются. В конечном счете В.И. Клисторин соглашается с тем, что нынешнее экономическое положение страны вызывает всеобщее беспокойство. Картина России, бьющейся в предсмертных имперских судорогах, за которыми последует неизбежное

оттеснение на далекую от центров мировой цивилизации периферию, не радует никого, кроме, быть может, патологических русофобов. Этой устрашающей перспективе, как пишет рецензент, можно противопоставить лишь новые источники инвестиций и точки роста, которые позволят преодолеть затянувшуюся стагнацию и перейти к инновационной экономике. Однако до сих пор, по его же словам, они не найдены. Так, может быть, прав Д. А. Фомин, утверждающий, что их и нет вовсе?..

Чувства национальной гордости и собственного достоинства заставляют нас противиться такому фаталистическому взгляду. Но здравый смысл говорит, что, какие бы политические изменения не произошли в обозримой перспективе, любая власть окажется перед лицом все тех же проблем: низкой производительности труда, разрушенной трудовой этики, сокращения основных фондов, ветшания городской инфраструктуры, нехватки инвестиционных ресурсов, диспропорций в экономическом развитии регионов, коррупции во всех этапах власти и т.д., и т.п.. Сквозь эту плотную завесу нерешенных проблем никак не просматривается образ «прекрасной России будущего». Быть может, здравый смысл и не лучший путеводитель к нему, но пусть тогда представители экономической науки, не согласные с такой перспективой, предложат нам какой-нибудь иной.

Литература

Бородкин Л. И. Преемственность и разрывы в экономической истории России XIX–XX вв. // ЭКО. 2021. № 4. С. 8–28.

Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра, 2021. 360 с.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 236–256.

Фомин Д. А. Три кризиса новейшей экономической истории России // ЭКО. 2022. № 2. С. 157–184. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-157-184

Клисторин В. И. Поле битвы: экономическая история. Комментарий к статье Д. А. Фомина и не только // ЭКО. 2022. № 2. С. 185–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-185-192

Статья поступила 14.02.2022

Статья принята к публикации 16.02.2022

Для цитирования: *Лихоманов И. В.* Имеются ли основания для оптимизма? (К дискуссии двух экономистов) // ЭКО. 2022. № 4. С. 156–167. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-4-156-167

Summary

Likhomanov, I.V., Cand. Sci. (Philosophy), Novosibirsk Higher Military Command named after G.K. Zhukov School, Novosibirsk

Are there Grounds for Optimism? (to a Discussion between Two Economists)

Abstract. The paper provides a critical analysis of the article of D.A. Fomin “Three crises of modern economic history of Russia” and the review of this article by V.I. Klistorin, published in the second issue of ECO journal for 2022. In the author’s opinion, the reviewer’s evaluation of the position of D.A. Fomin as a neo-Stalinist, calling to repeat the experience of Soviet modernization of 1930th is too categorical and distracts the reader from the important points of his research. On the other hand, D.A. Fomin himself made a serious methodological mistake, due to which the conclusions of his article turned out to be internally contradictory. A valuable scientific contribution of D.A. Fomin’s research was the identification of additional external sources of the rapid postwar recovery of the Soviet economy in 1945–1948. The assertion that since 2008 Russia’s economy has undergone irreversible changes, which will lead to its stabilization at a different, lower level than today, being controversial, deserves at least a careful critical reflection.

Keywords: *economic history of Russia; economic growth; dynamics of capital assets; innovation economy; ideology; conservatism; Stalinism*

References

Borodkin, L.I. (2021). Continuity and Gaps in the Economic History of Russia of the XIX–XX Centuries. *ECO*. Vol. 4. Pp. 8–28. (In Russ.).

Fomin, D.A. (2022). Three Crises in Russia’s Recent Economic History. *ECO*. No. 2. Pp. 157–184. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2022–2–157–184.

Galushka, A., Niyazmetov, A., Okulov, M. (2021). Growth Crystal. For the Russian Economic Miracle. Moscow. Nashe Zavtra. P. 360. (In Russ.).

Klistorin, V.I. (2022). The Battlefield: Economic History. Commentary on the Paper by D.A. Fomin and Beyond. *ECO*. No. 2. Pp. 185–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2022–2–185–192.

Stalin, I.V. (1951). Sochineniya. T.13. Moscow. Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoy literatury. Pp. 236–256. (In Russ.).

For citation: Likhomanov, I.V. (2022). Are there Grounds for Optimism? (to a Discussion between Two Economists). *ECO*. No. 4. Pp. 156–167. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-4-156-167